

Фолькер Демут
Volker Demuth

Циррозная страна Zirrhotesches Land

Избранные стихотворения
Ausgewählte Gedichte

Фолькер Демут

Циррозная страна

Volker Demuth
Ausgewählte Gedichte

Zirrhotesches Land

Übersetzt von Tamara Kudrjawzewa und Anton Popow
Akademie der Wissenschaften Moskau

Moskau 2007

Фолькер Демут
Избранные стихотворения

Циррозная страна

Перевод с немецкого Т^{amara} Кудрявцевой, А^{nton} Панова
Akademie der Wissenschaften Moskau

Москва 2007

УДК
ББК

Фолькер Демут
Циррозная страна – М., 2007. – с.

Fotografie: Фолькер Демут
Buchgestaltung: Patrizia Kommerell

ISBN 12134 232 232

© Ф. Демут, Т. Кудрявцева, А. Панов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работая с категориями глобального жизненного пространства, где топос «родина» теряет смысл в рамках традиционной дихотомической пары «свое» – «чужое», поэт из Швабского Альба Фолькер Демут пытается сформировать новое сознание в рамках развития концепта «культуры пространственной открытости мира», в которой важное значение – «как память пространства» – приобретает литература. Эта теория любопытным образом находит воплощение на уровне организации поэтического материала. Так, книга Демута «Материал тени от облепихи. Поэма пространства» («Das Material des Sanddornschatzens: Ein Raumroem». Weilerswist, 2003) представляет собой, с одной стороны, пример языковой инсталляции, которые и олицетворяют для поэта «поэмы пространства» (RaumPoeme). Стихотворение симультанно реализуется в них с помощью различных средств выражения: визуальных (графика текста, на которую накладывается изобразительный ряд в виде иллюстраций либо фотографий и видеокадров), аудиальных (декламация в сочетании с сопутствующими шумовыми (музыка, звуки окружающего мира, спецэффекты и пр.) и жестовых (перформанс, в котором активно задействована пластика движений тела). С другой стороны, сама книга оформлена по принципу пространственной организации (книга в книге и т. д.).

Однако настоящая родина все же оказывается сильнее. Реалии «раздвоенной Германии» преломились в творчестве поэта как «разлом» 1961, который пришелся на год его рождения. В стихотворении «Сталинская аллея, снова и снова» он рефлексировал по поводу известных событий многолетней давности (восстание в Берлине 17 июня 1953 г.), реконструируя их в поэтическом сознании уже как результат соприкосновения с призраком: автору довелось в 1990-е гг. жить на носившей некогда это имя улице (позже переименованной в Карл-Маркс-Аллее). Проводя нить исторической памяти, он, по сути, сжимает временное про-

странство в сюрреалистическом образе, беря за точку отсчета нового времени уже не год падения Берлинской стены, а далекие 1950-е, когда, по его словам «была сметена великолепная возможность для строительства реального социализма». В новой исторической ситуации эта самая широкая магистраль Берлина продолжает сохранять для поэта символический смысл как «место, пропитанное болью исторической действительности и еще более сильной горечью нереальности», где «страна на полпути пуста без ласточек [...] в серой полусфере хорошо сохранившегося ноября». И он снова и снова задает себе вопрос: «Каким могло бы оно стать?» А между тем «время катится вспять в ту сторону света», где «остеологическая связь покоится [...] в вонючем историческом месиве».

Подобно тому, как по приговору Адорно после Освенцима немцам было заказано писать на языке, служившем орудием убийства, так с легкой руки Брехта («что это за времена, когда разговор о деревьях – чуть ли не преступление, поскольку он заключает в себе замалчивание стольких преступлений»)¹ надолго было отказано в легитимности тесно связанной с мотивом родины пейзажной лирике. Ф. Демут обнаруживает эту нарушенную связь внука-«потомка»² с традицией спустя 50 лет в своем стихотворении «Déjà vu». Миниатюра представляет собой аллюзию на известное стихотворение Брехта «Ели»:

In der Frühe	На рассвете
Sind die Tannen kupfern.	Ели отливают медью.
So sah ich sie	Такими я их увидел
Vor einem halben Jahrhundert	Полвека назад
Vor zwei Weltkriegen	Накануне двух мировых войн
Mit jungen Augen ³ .	Молодыми глазами.

Одним из первых среди молодых поэтов Демут в конце 1980-х гг. «вопреки и в продолжение традиции» обратился к жанру пейзажной лирики в сборнике стихов «Управление холодом» (Bewirtschaftung der Kälte), руководствуясь, по собственному признанию, принципом: «кто пишет стихи о природе, не вправе забывать “последнего тасманского волка”». Тем не менее, речь не идет о продолжении просодической традиции романтизма. Поэту претит принцип благозвучия, не позволяющий отразить плачевное состояние современной природы. Современный автор, давно отученный от пафосного выражения чувств, не смеет излить душу, как это делал (нео)романтик. Как правило, он маскирует эмоции, прибегая к испытанным средствам иронии, отстраненности от интересующего его предмета. Именно в этом направлении Демут, творчество которого в последние годы полностью подчинено развиваемой им философско-эстетической концепции, согласно которой современный мир представляет собой некую лишенную скреп расчлененную структуру, развивает свою пейзажную лирику. При подобном восприятии действительности процесс создания стихотворения становится для поэта «рассматриванием чего-то в пыли, а сам он, подобно гончей, выслеживающей добычу, лишь фиксирует то, что вдруг появляется в диффузном пространстве»⁴.

1 Brecht B. An die Nachgeborenen // Gesammelte Werke. Frankfurt a. M., 1967. Bd. 9. S. 722. Стихотворение написано в 1939 г.

2 Намек на стихотворение Брехта «An die Nachgeborenen» («К потомкам»).

3 Brecht B. Tannen // Gesammelte Gedichte. Bd. 3. Frankfurt a. M., 1981. S. 1012.

4 Demuth V. Die Form des Gedichts // Neue Rundschau. 2002. H. 3. S. 128.

Примечательно признание поэта в стихотворении «Мнимая соната и странствующий терминатор» («Scheinsonate und wandernder Terminator») в тех трудностях, которые испытывает современный автор, обращаясь в своем творчестве к известным образам и мотивам, в которые, кажется, уже нельзя привнести ничего нового. Так, луна видится Демуту мусорной свалкой из созданных для нее поэтических образов, скопившихся за многовековую историю искусства. Поэт сетует на то, как трудно разглядеть под кучей мусора сам объект, почувствовать его свет. Поэтому «Лунная соната» («Die Mondscheinsonate») Бетховена в наше время – всего лишь мнимая, кажущаяся. Границу света и тени на поверхности луны (терминатор) превратили в бренд Голливуда (супер-герой Арнольда Шварценеггера). И если луна покрыта культурным мусором, значит, это космическое тело утратило смысл как символ темных либо светлых чувств. Таким образом, ночной странник идет по следам, которых не видно, которые не ведут к заветной цели. Все обречены на одиночество. Эта пессимистическая точка зрения поэта, живущего в эпоху исхода постмодернизма, подводящая символический итог многовековому бытованию топоса, несомненно, отражает общую тенденцию современной поэзии.

Используемые автором монтажный принцип построения образа, шифры, абсолютная метафорика, «внутреннее время», синтаксическая и семантическая незавершенность, обеспечиваемая средствами разноуровневой фрагментарности – все это свидетельствует о превалировании в структуре поэтического текста если не антиномических, то, во всяком случае, дихотомических внеличных субъектно-предикатных отношений. Демут видит в стихотворении комплексную текстовую систему, указывающую на самое себя (язык, образность) и на кусок действительности, из которого исключен субъект. Его «поэтические тексты – это поисковые системы, а слова – ключевые понятия в сети глобализованного жизнен-

ного фарса, чуждого когнитивным эталонам культуры»⁵. Эта ситуация обязывает поэта видеть в слове инструмент проникновения в неизвестное, запредельное и скрытое от постороннего взгляда. «Будучи поэтом, я посылаю слово, подобно космическому зонду, в темную вселенную, в неизвестное космическое пространство, – комментирует Демут свое творчество. – Я могу задать ему лишь орбиту полета, но образы и свидетельства, которые я получу назад – непредсказуемы. Поэтому в любом стихотворении неизбежно содержится что-то загадочное и неожиданное. Свидетельства и послания (Aussage und Botschaft) – лишь дань литературному, интеллектуальному и экзистенциальному удобству»⁶.

«Иногда я начинаю поэтические встречи с декламации физических формул. Или несколько минут подряд зачитываю биржевые сводки. И то, и другое в своей сфере употребления – редуцированное выражение чрезвычайно сложных явлений действительности. Поэтому поэзия для меня – редукция простоты»⁷, – объясняет поэт свои взаимоотношения с читателем. Тем не менее, на практике поэзия фрагмента Демута оказывается в высшей степени сложной для восприятия. Образы строятся как цепь кинокадров, основанных на противополжности / сопоставлении реального настоящего и ассоциативно возникающего в памяти прошлого. Элементы сравнения, как правило, суть разные понятийные категории. Чаще всего превалирует соотнесение мира природы и душевной сферы с медицинской практикой, что выражается в соответствующей терминологии. К смысловой зашифрованности добавляется расчлененность и поливалентность синтаксических отношений, обычно не маркированных ни графически, ни пунктуационно. Не привносит ясности и балансирование

⁵ Demuth V. Textrisiko // Schreiben Leben / R. Draghinescu. Ludwigsburg, 2005. S. 71.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. S. 80.

на грани аграмматичности (тенденция, заявившая о себе в начале 1990-х в поэзии Клинга и его последователей). В частности, речь идет о нарушении нормативного порядка слов в немецком предложении.

Само творчество представляется Демуту конфронтацией с «холодными чувствами современного массового человека толпы»⁸. Интересы массовой культуры и культуры элитарной не совместимы, поскольку в обществе, живущем в эпоху бешеных информационно-коммуникационных скоростей мало кого интересуют вневременные, вечные проблемы. Он вынужден также констатировать, что рациональное сознание среднестатистического обывателя не в состоянии понять поэзию, которая не говорит простым, ясным языком, а «упаковывает» содержание в сложные, непонятные реципиенту формы. Такая поэзия – принадлежность элитарной культуры, культуры для избранных. Стихи – не подходящая информация для банка данных, в которых «теряется язык»⁹. Отсюда вывод: поэт должен и исходить из факта, что его продукция не может быть популярной и рентабельной, и, как любое фундаментальное исследование, не имеет практической цели¹⁰.

Диахронические границы существования слова в поэтических текстах, по мнению поэта, так же различны, как и в других сферах его бытования. Так, жизненный срок термина «дыхательная маска» не ограничивается временем применения денотата в палате интенсивной терапии, а «включает в себя тысячелетия»¹¹. Различие временных семантических плоскостей порождает внутреннее движение смысла, некую ритмику значения, отражающую специфику времени и культуры. Однако чаще всего поэт предпочитает избегать лексем с повышенной содержательной

нагрузкой. По его мнению, они ведут к чрезмерной иерархизации поэтического языка и к потере смыслового равновесия в угоду их кажущейся культурной, цивилизационной (время, вечность, счастье) и пр. значимости, в отличие, скажем, от служебных слов. «Какой-нибудь артикль “der” или “die”, напротив, может произвести эффект точного удара по камню. Когда пишешь подобные слова, представляешь себя первобытным человеком, выверенными точечными ударами вытесывающим из каменной глыбы острый инструмент. Продолжительность этой, вероятно, доведенной до автоматизма операции всякий раз может исчисляться секундами, но за счет интенсивности процесс приобретает иные параметры»¹².

Демут выработал собственный стиль, лишь проделав своеобразный экскурс в историю литературы. Прошлая традиция органично присутствует в его стихах, то «проявляя себя в футуристическом порыве, некоем *parole in liberta*, то в голосе Лилиенкрона, то в стиле Паунда»¹³, то в невольном подражании Платену. Добавим, что певец «циррозного ландшафта»¹⁴ не скрывает и своей симпатии к китайскому поэту Гу Чэну¹⁵, что эксплицитно засвидетельствовано не только в текстах, обращенных к поэту, но и в созерцательной статике запечатленных мгновений, кодируемых в метафорах абсолютно непредсказуемой предметно-смысловой валентности.

Т. Кудрявцева

Лишь снег под колесами замешкался.
Но это в руках звезд.

⁸ Ibid. S. 78.

⁹ Demuth V. Die Form des Gedichts ... S. 140.

¹⁰ Demuth V. Textrisiko ... S. 75.

¹¹ Ibid. S. 72.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. S. 75.

¹⁴ Ср. название стихотворения «Циррозная страна» («Zirrhotesches Land»).

¹⁵ Безвременно ушел из жизни в 1993 г.

Gedichte

Стихотворения

ALBWEG, ABENDS

Und langsamer gehn, die Lippen befeuchten:
noch steht der Weizen blau im Feld,
das Licht geht unter, die halbe Welt,
der Kalk beginnt zu leuchten,

und zögernder unterm Katafalk
der Dämmerung und zwischen den Bränden,
und kaum noch gehn und fast schon enden –
die Lippen löschen den Kalk ...

BEWIRTSCHAFTUNG DER KÄLTE

Auf den Staub lässt sich bauen,
zählen auf die kreisende Zeit
der Betonmischmaschine und die einfallende Dämmerung.
Die Kohlenlieferung will ich, letzte Aufschlüsse
erwarten geschützt von der Freundlichkeit
und dem Strichcode des Lattenzauns.
Auch möglich, dass ich den Katzenschlaf
brauchbar finde, die Zunahme der Vergangenheit
der Dörfer im Autorückspiegel.
Der Bau, die Hundespur schreiten fort.
Allein der geräderte Schnee leugnet noch immer.
Das aber ist Sache der Gestirne.

В ЮРСКИХ ГОРАХ, ВЕЧЕРОМ

Замедлить шаг, губами коснуться влаги:
еще голубеет пшеница в полях,
день меркнет в юрских горах,
в закатном огне овраги,

и робкой тенью застыть
меж стен пылающих темных,
забыться в желаниях скромных –
губами известь гасить ...

УПРАВЛЕНИЕ ХОЛОДОМ

Пыль сгодится:
положись на коловращенье
бетономешалки и ниспадающие сумерки.
Завезли бы уголь, истину в последней инстанции
ожидаю под присмотром радушия
и штрих-кодowego штакетника.
Пожалуй, найдется применение и
спящей кошке, и разрастающемуся прошлому
деревень в зеркале заднего вида.
Здание, след собаки все дальше.
Лишь снег под колесами замешкался.
Но это в руках звезд.

SPÄTE BEBILDERUNG EINES TAGS

Gegen Mittag gerinnt
in der bitteren Molke
die Gegend.

Pünktlich wie auf Befehl
feuert die Kirchenuhr
leichte Salven in die Luft.

Regloser liegt
der Parkplatz, die Steine
zucken nicht.

Früh legt sich
das Dorf die Bleiweste
der Dunkelheit an.

BUCOLICA

I

Keine Hohlwege, Flüsse,
weißrot sind die Unter-
die Übergänge frühlingsblau markiert.
Schneeregen und Ab-
sprachen reichen bis zum Wochenende.
Geh ruhig weiter, stell fest:
die Demut vor dem rostigen
Wagenkreuz am Feldweg, die gelbe
Beize am neuen Geräteschuppen und
am Fenster die Fliege, die hinaus will.

Das heißt eine Welt
zitieren:
das jahrtausendalte Grinsen der Steine,
über der Haustreppe die Nagelsperren
des Frosts.

ЗАПОЗДАЛАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ДНЯ

К полудню окрестности
створожились
в горькой сыворотке.

В урочный час
церковные часы легким залпом
взорвали воздух.

Окаменели
автостоянки, оцепенели
камни.

Деревня спозаранку
облачилась в свинцовую
кацавейку ночи.

BUCOLICA

I

Ни оврагов, ни рек,
бело-красным закаты
перекаты отмечены вешне-синим.
Снег с дождем у-
говоров достанет до выходных.
Иди дальше, увидишь:
перед ржавым домкратом
на проселке смирение, желтизну
протравы новенького ангара,
на окне муха рвется на волю.

Это значит цитировать
мир:
тысячелетняя усмешка камней,
над крыльцом цепкие когти
мороза.

II

Fliegenpilzrotweiß eine Coladose.
Landstraßen in weitere Dörfer. Stammobst.

Die Empfindung von Dankbarkeit
über die Vogelkarte am Wanderparkplatz:
wie mein Schatten auf- und davongeht!

Wind zählt in der Schonung
die Fichten ab.

Schneereste verketten die Äcker.

III

Wer wird ihn errichtet haben
den Rauchobelisk –
Die Nachbarin im abgeernteten
Gemüsebeet verbrennt Weihnachtspapier.

Gute Wünsche auch die Frage
wann der Winter verbrannt wird
und im Sohlenprofil den Kalk
wie einen Sieg nach Hause tragen.
Überstehe wer will –

Jemand schießt das Jahr
an. Nebel errichtet Straßensperren.

II

Красно-белый мухомор банки из-под колы.
Проселки к отдаленным деревням. Не заморские сады.

Чувство благодарности
за рекламный птичий портрет на экостоянке:
тьнь встает и уходит!

Ветер пересчитывает в заповеднике
ели.

Остатками снега связаны пашни.

III

Кто воздвиг
obelisk из дыма –
Соседка сжигает на грядке рождественскую
мишуру.

Добрые пожелания, вопрос:
когда сожгут зиму,
а на подошвах как победу
принесут домой известняк.
Да устоит алчущий –

Кто-то целится в год.
Туман воздвигает баррикады.

KLEISTS OPFER

Das war bedeutend zu wenig entleibt
war talergroß dem Zugriff
der Freunde genug
in die Brustgegend.

Da stand im Auge fixiert
welches Bild hinter dem Hügel
vom Wasser wo eine Katze
Espenreihen abschreitet.

Das war November
ihre Ewigkeit in einer Endung
über der Tischplatte
gebeugt in einer toten Sprache.

Das ihm aus dem Mund kam
Dazu, das letzte, war Blut.

DÉJA VU

Im Gestühl des Winterhimmels
die kupferne Sonne
und hinter den Äckern
die kupfernen Tannen.

Nach vier Jahrzehnten
sah ich sie zum ersten Mal
seit Brecht sie ein zweites Mal sah
nach zwei Weltkriegen.

ЖЕРТВА КЛЕЙСТА

Смерти не достало
размером в талер довольно пули
друзья заглянули
в сердце.

Взгляд сохранил
образ воды за холмом
где кошка
обходит осины.

В ноябре
над столом
склонялась их вечность
в окончании мертвого языка.

С последним словом
Вышла кровь.

DÉJA VU

На зимнем небесном троне
медное солнце
за пашней
медные ели.

Сорок лет спустя
их увидеть впервые
с тех пор как Брехт смотрел на них снова
спустя две мировые войны.

ERLÖSCHEND ABER DIE HÖCHSTE LICHTMASCHINE

Erlöschend aber die höchste Lichtmaschine
wird auch der den Hang
hinauffährt der Himmel
sich zweimal überschlägt
verschrottet.
Der Frageversuch zu spät mit
dem zweiten Stimmband wie Katzenschnurren;
jetzt kommst auch du nicht mehr
vor zwischen dem Zeitsignal im
Radio der Anordnung der Gläser
folgen die Herzschläge sich
als Bluthunde.
Sichtbar im Fenster Kälte
die die Nacht ausschachtet.

HIBERNALE ANSICHT

Der braune Kalkrand an der Kanne.
Holz nachlegen. Es schneit,
also auch in diesem Jahr.
Auf dem Tisch der Hochglanzprospekt
von Villeroy und Boch (der Märchen-
König aß von solchem Porzellan).
Gedanken, Gelesenes – die Idee
des Guten und ob durch Ewigkeit
das Weiße weißer werde – dann
holen die Schlote ihre grauen Fahnen
ein, stürzt die Buchengotik zusammen,
geht die Schleppnetzfehndung des Schnees
ins Leere. Nichts mehr zu hören und
zu sehn. Nur den Hundepfeifton
der Stille im Ohr.

УГАСАЯ НО МОЩНЕЙШИМ ГЕНЕРАТОРОМ

Угасая но мощнейшим генератором
пойдет на слом и поднимется
дважды скатившись
по склону небо.
Промурлыкал кошкой
вопрос слишком поздно;
теперь и тебя нет
между сигналом точного времени
по радио за рядами бокалов
следуют удары сердца
подобно легавым.
В окне холод
потрошит ночь.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Бурая известь каемкой чайника.
Подложить дров. Опять снегопад,
и нынче.
На столе глянцевого проспекта
«Вильрой и Бох» (король из
сказки трапезничал на таком фарфоре).
Мысли, цитаты, – идея
добра окрасит ли вечность
белым белее – потом
трубы спустят серые стяги,
рухнет готика буков,
раскинется втуне
снежная сеть. Ни зги ни
звука. Лишь тишь собачьей дудкой
свистит в ушах.

KLADDEN

I

Wie wenn der Tag ein Negativ
von Hühnerklauen sich in den Schlamm krallt.

So geht es. Die Straßen abgefräßt, die Schnecken
zu Schleim, Pappeln. Und sonst.

Auf den Klokacheln Nachtfalter, die
bei jedem Mal heller werden. Die Decke.

Die Flecken. Der Schweiß. Es geht so.
Ich sehe dem Schlaf mit offenem Mund entgegen.

In den Wabenzäunen
geschichtet die Meldungen aus Staub.

II

Auch das ist rasch gesagt. Züge
und die Insektenlaute der Eisenbrücke
abends, von Fledermäusen gejagt.

Das Gras wird noch Jahre
brauchen zwischen die Schienen.
Eine Zinkbadewanne fällt mir ein. Regen

die längste Zeit, ein loser Faden Rauch.
Im Dachstuhl eingebaut ins Hornissennest
findest du die Todesanzeigen vom Frühjahr.

III

Das Ausbleiben einer Erwartung.

Verzinktes Licht. Küchenfertige Kitze.

Leere vor den Garagen.

Die Bewegungsmelder stellen den Wind unter Verdacht.

ЧЕРНОВИКИ

I

Как если б день вцарапал негатив
куриных когтей в свою грязь.

Так и есть. Обглоданы улицы, из улиток –
слизь, месиво. И прочее.

На туалетной плитке ночные мотыльки,
с каждым разом светлее. Потолок.

Пятна. Пот. Бывает и так.
Сон влетает в открытый рот.

В ячейках сот
слоями донесения из пыли.

II

Мало сказано. Поезда,
букаший писк железнодорожного моста
по вечерам приманкой для летучих мышей.

Траве нужны годы, чтобы
выбраться из-под рельс.
Оцинкованная ванна всплывает в памяти. Дождь

длиннее времени нет, рваная полоса дыма.
В стропилах встроенные в гнездо шершней
найдешь весенние объявления о смерти.

III

Отсутствие ожидания.

Оцинкованный свет. Козленок-полуфабрикат.

Перед гаражами пусто.

Фотоэлементы фиксируют дуновение ветра.

TERTIÄRER MOMENT

Etwas ließ den Aschekübel hinaus
in den Dauerfrost tragen.

Etwas splitterte. Man sah die Kettenraucher
vor dem Aschenbecher der Haut.

Etwas war zu tasten eine Schweißnaht
gezogen zwischen den Schädelhälften.

Hellgrau und leicht fiel etwas.
Aus der Kastanie verkrustete Hände.

Etwas schrieb in die Kalkfelsen
noch immer Fraktur. Man fror etwas.

Etwas war ein toter Briefkasten
eine langgezogene Flussbiegung.

DIVERSE DATEN

Verdichtete Schatten Krähen von
der Stromleitung abstreichend Tage
was alles seine Ordnung hat
der Plastiksack über den Tomaten
die neuen Zahlen vom Blutmarkt
das Rasenstück bis zuletzt als
Brusttrauma verschiedene Wolkenformen

manchmal auch den Kopf rührend ein
fernes Quietschen der Nackenwirbel
Notizen von Teilstrecken andere
Wörter Lichtabfall eine Metapher zur
Schlußeinstellung der Gegend.

ТРЕТИЧНЫЙ МИГ

Что-то заставило вынести золу
на вечный холод.

Что-то разбилось. Кожа
пепельница затягивались из одной сигареты.

Что-то различалось на ощупь сварочный шов
полушарий мозга.

Светло-серо легко упало что-то.
Каштана обветренные ладони.

Что-то запечатлелось в юрских отрогах
готическим шрифтом. Что-то холодно было.

Что-то – почтовым ящиком мертвым
длинной речной излучиной.

ВСЯКИЕ ДАННЫЕ

Сгустились тени вороны
слетали с проводов дни
всему свой черед
пластиковый мешок над помидорами
новые данные с рынка крови
газон неизбежно
грудной гематомой разноперые облака

а поворот головы
оборачивается далеким скрипом затылочных позвонков
зарисовки с узкоколеек другие
слова светомусор метафора
для последнего пейзажного кадра.

PLANQUADRAT SÜD

Befunde, reduzierte Richtung:
ein altes Sofortbild

/

Abblättern an Pappeln, dem See
zu am Schaufensterglas die
Geschichte der Flüchtigkeit

/

wo Wind kläfft
als Nachrichtenwert oder Anfang

/

die Zukunft solange dir die Blase
vollläuft die Haut trocknet
und die selbe Stelle ist
der Ort der Liebe ein Nacken
der Ort der Tötung ein Genick

/

und Verlaß ist auf kurze
Prozesse Stadtverwaltung Lichteinfall

/

die Geschwindigkeit des
Magnolienblühens Vorerinnerungen
von Möwenschreien gesichelt.

ПЛАН-КВАДРАТ ЮГ

Результаты осмотра, ближний маневр:
старая фотография

/

С тополей опадают листья, ближе к
озеру на витринном стекле
история мимолетности

/

где ветер ворчит
медийной известностью или прологом

/

будущее пока тебе не
приспичит обсохнет тело
одно и то же место
любви затылок
для убийства над выей

/

уповай лишь на скорость
процессов городские власти переливы света

/

пока цветут магнолии
протовоспоминания
срезанные серпом криками чаек.

ZEITFAKTOREN

Vor schneeverklebten Fenstern
bald etwas bald nichts.
Das Weidengelb. Kurzbericht über
Müllmenschen. Das Weidenrot.
Zwischen den Jahren leichte
Fingersätze an diesem und dir.
Ein Morgen unter Graureiherflügeln,
irgendwohergeschrieben, der wegkippt.

Laß uns das also weiterhin Wärme
nennen und später das Sommer.
Wintermonate. Helldunkel.
Und die Leere in den Hühnerklauen
der kahlen Kübelfeige vor dir.

TAGE, TAKES

Entzündet hängt Gekröse oben
sonst Pappelfremde Freizeitangebote
so wie die Dinge stehn
ein Satz von Beckett
es ist Frühling
ein Vers Czechowskis
es ist Herbst
und haben Blut verschnitten die sich noch ineinanderbeugen
verfällt der Tag an der Baustoffhalle
miaut das Fenster schreit Raps
kein Wort
oben zwei Bussarde zentrieren den Tod.

ВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ

За окнами залеплено снегом
то нечто то ничего.
Ивовая охра. Краткая сводка о
бомжах. Ивовый пурпур.
С году на год легкие
аппликатуры на том на сём.
Утро опрокинулось в памяти
под крыльями серых аистов.

Станем и дальше называть это
теплом, а потом летом.
Зимние месяцы. Светло-темные.
Пусто в куриных когтях
голового фикуса в кадке.

ДНИ, ДУБЛИ

Наверху воспаленные потроха
кругом неброские
предложения по организации досуга
как положено
предложение от Беккета
весна
строка Чеховского
осень
и кровосмешение склоняющихся друг к другу
потерян день на рынке стройматериалов
мяукает окно кричит рапс
ни слова
наверху два канюка центруют смерть.

HISTORISCHE RÜCKSTÄNDE

Vorortzüge, in denen ich an Vorortstraßen vorbeifahre.
Das Datum deiner ersten Ankunft in Wien.

Mehltau zur Beschreibung des Lichts an einem Tag.
Am leeren Julitropf der Hang verdämmert.

Revolutionen, die mit Gewehren auf Turmuhren schossen.
Die in befreiten Lagern angehaltene Zeit.

Auf der Sportseite das Bild vom Finish.
Das Zielfoto zeigt einen Sekundenbruchteil.

Mit hochgerissenen Armen der Sieger.
Andre mit hochgerissnen Armen.

SEPTEMBER SCHWELVERFAHREN

Diesmal die Katzenschüssel, mit Dunst
gefüllt, die genügt beim Umgehen der Vergleiche.

Gegenüber den Kalken das frühe Jahrhundert
eine graue Spur aus dem Bahndamm.

Wozu, daß noch das erste Brüllen sich hält
in diesem Axiom nach Abnehmen des Hörers?

Oder auch nur Schnecken beim Nervenversuch
abends für Sekunden gegen Busscheiben gedrückt.

Haut von den Fingerspitzen bröckelnd
Schienen. Diesmal die Katzenschüssel.

Die Lautlosigkeit
gestapelt zwischen den Dachziegeln an der Hauswand.

ИСТОРИЯ В ОСТАТКЕ

В пригородных поездах мимо предместий.
Дата первого прибытия в Вену.

Мучнистая роса описание дневного света.
У пустой июльской капельницы грезит склон.

Революции, стрелявшие из винтовок на башенных часах.
В освобожденных лагерях остановилось время.

На спортивной полосе фотография с финиша.
Дежурный снимок запечатлел долю секунды.

Победитель, высоко вскинув руки.
Другие, высоко вскинув руки.

ТЛЕНЬЕ ПО-СЕНТЯБРЬСКИ

На сей раз кошачьей миски, заполненной
дымкой довольно, чтобы обойтись без сравнений.

Напротив юрских скал ранний век
серый след железнодорожной насыпи.

Отчего первое алло повисает
в этой аксиоме как снимешь трубку?

Или все лишь улитками после нервных опытов
по вечерам на секунду приплюснуты к автобусному стеклу.

Кожа на кончиках пальцев шелушится
Рельсы. На сей раз кошачья миска.

Безмолвие
складировано между кровельной черепицей у стены дома.

CANTUS FIRMUS

Das ansteigende Land mit
diesem fleckfiebrigen Dämmern.

So fern wie nie. Da
Linienmaschinen herstellen

die Strichfassung des Abends.
Wird es hier nicht sein?

Drehherzig auf gefrorenem Schlamm
das Grün und Grau. Köpfe.

Dann schleife mich zu deinen
Führungen hinters Licht.

Die Schatten werden abgehängt
von der Maschine,

die atmet, nichts weiter, für sich.

ORTSWECHSEL. Namen, mehrfachbelegt. Die Wärmekälte.

Ein Punkt, der erreicht ist.

Weitere Zeichen. Das Lesbare

das Unlesbare. Nacht

die Tage eingeschwärzt.

Lichtstarre Teiche.

Kein anderer Zusammenhang.

Aufgerollt hinter dem Nebel
der Augenblick die Chamäleonzungge.

CANTUS FIRMUS

Уходит ввысь земля в сумерках
сыпного тифа.

Далеко в никуда. Там
рейсовые самолеты режут

цензурой вечер.
А что здесь?

Прокрутка сердца на замерзшем иле
зелено серо. Кочанно.

Проведи меня
по-своему.

Тени поглощает аппарат
Искусственного

дыхания, и всё.

ПЕРЕМЕНА МЕСТ. Названия многократного использования.

Пункт прибытия.

Холод тепла.

Другие знаки. Разборчивое

неразборчивое. Ночь

почерненные дни.

Светостылые водоемы.

Другой связи нет.

За туманом развернут
миг языком хамелеона.

LANDSTÜCK. STANDFOTOS

Morgen Hasenscharte.
Die alte Tapete
und dahinter die Zeitung

/

Infekte Perfekte ausgedrückte
Igel. Über stockfleckigem Gelände
so Lippenblut himmlische Zyanose

/

Aussätzigte Platanen. Und der Fluß
geht über Land. Weichen. Verrostet.
Aufbrechen nur die überwinterten Schatten

/

Wo im Mauerwerk der Eintrag verfällt
des Regens. Wind alte
Ratte pfeift aus den Rissen

/

Tonlos. Weiße Tempi.
Straße die Sprache. Hinter den Zäunen
das geschredderte Licht.

SCHEINSONATE UND WANDERNDER TERMINATOR

Kopfunter also. Die Hängung aus
dem Hals, diese letzten Bilder.

Landein das Kontrastmittel verteilt sich
als wie Dunkelheit.

Schuppen Scheiter seltsame Stellung.
Nur, was wird sich nachweisen lassen
von den Verschlingungen unserer Körper?
Weiter flußauf. Den Spuren nachgehen
morgen von gestern heute.

Im indirekten Licht, die ausblühen,
herbstlos die Steine.

ПЕЙЗАЖ. В СТОП-КАДРЕ.

Утра заячья губа.
Старые обои
под ними газета

/

инфицированные перфекты выжатые
ежи. Над заляпанным грязью пейзажем
небесный цианоз губ

/

Больные проказой платаны. И река
бороздит страну. Стрелки. Покрыты ржавчиной.
Протестуют лишь презимовавшие тени

/

Где в стене замурован
дождь. Ветер старая
крыса свистит из расселин

/

Беззвучно. Белые времена.
Улица язык. За изгородью
раздроблен свет.

МНИМОЛУННАЯ СОНАТА И БРОДЯЧИЙ ТЕРМИНАТОР

Итак вверх тормашками. Осточертели
висельники, последние картины.

Из страны в страну контрастное вещество расплзается
подобно мрак.

Сараи поленья странная позиция.
Что останется от

переплетений тел?
Дальше вверх по течению. По следам
вчерашним завтра сегодня.

В отраженном свете отцветают
лишенные осени камни.

EFFET DU RÉEL

Nur so. Der blutverschmierte Anfang
eines Winters. Nichts: Krähen aufgelöst
in Rauch. Wortlos dein anderes Mundstück.

Körperteile, die abgefahrene Dunkelheit.
Doch nie mußte ich Namen nennen.
Keiner, der mich verschwiegen hat.

Lang läuft es noch roter, wird es
kälter. Woanders. Alles gedeckt. Die Hänge,
der Schnee. Ein schnelleres Ende. Noch stets.

ANIMATION

Kalte Nadel. Zirrhotesches Land.
Das Fazit des Sommers, verlassnes
Chitin liegt es auf der Fensterbank.
Auf dem Klopapier wird dir gedankt.

Gelbstichige Stunde. Am Rand Nekrose.
Beim Fluß gefriert in den
Säcken der Sand.

Fahrige Träume. Fahle Anatomie.
Auf den Waggon die Schrift,
sofort vorbei, wozu liest du sie?

Zirrhotesches Land. Kalte Nadel.
Wirf, mach die Hände warm.
Leicht zu tasten am Rugbyball
wie an jedem Wort die Naht aus Darm.

EFFET DU RÉEL

Не иначе. Запачкано кровью начало
зимы. Пусто: вороны растаяли
в дыму. Молчит твой другой амбушюр.

Части тела, отпавшая темнота.
Мне никогда не приходилось называть имен.
Никто не прятал моего.

Еще долго продержится красный,
усилится холод. Не здесь. Все покрыто. Склоны,
снег. Ускорение конца. Продолжается.

АНИМАЦИЯ

Холодная игла. Циррозная страна.
Итог лета, забытый
хитин покоится на подоконнике.
На туалетной бумаге – благодарность в твой адрес.

Пожелтевший час. По краям – некроз.
На берегу замерз
Песок в мешках.

Беспокойные сны. Бледная анатомия.
Вагоны в графити,
Пролетают мимо, зачем читать?

Циррозная страна. Холодная игла.
Брось, согрей руки.
Легко ощутим на мяче для регби
как в каждом слове жилистый шов.

NAUSEA UND ILEUS

Haare im Kamm. Hirnfelder voll Aas.
Ermüdetes Material das mythische Paar.

Dachränder

Die Gabe oral

Und strichweiser Nebel

So hingestreckter Morgen: die
Marderkehle von Kälte zerrissen.

BLAU. INTENSIVE STATION

Sommer der Chinese. Tätliche Halden
Und das Landinnere der Sandwespe

Hinter der Eisenbrücke gehen
die Fotos in Stellung

Wo

einer die Lautlosigkeit dengelt

Kalk

Am Wortrand am Wundrand

Leichter wir von uns abstehn
Und die Zugschatten landen

/

Gegenwarten

Ein Vorgang. Alles.

NAUSEA И ILEUS

Волосы в расческе. Мозговые поля кишат тварями.
Усталый материал мифическая пара.

Края крыши

Пероральный дар

Полосами туман

Распластано утро:
кунья пасть разорвана холодом.

СИНЬ. ОТДЕЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ

Лето желтолицо. Преступны откосы
Земляное жилище песчаной осы

За железнодорожным мостом выстроились
фотоснимки

Там

кто-то отбивает безмолвие

На краю слова на краю раны

Известняк

Легче отодвинуться друг от друга

И приземлить тени поездов

/

Супротивное пребывание

Процесс. И только.

AUFGEÖSTES QUARTIER

Beatmete Hände. Hartschalen.
Hemisphären.
Bin ich. Ton
und Tonus.
Hier. Unter
nackten Glühbirnen.
Inmitten
der achtspältig
verstellten Stimme.
Starre auf Ränder.
Die nicht
mehr zu ordnenden
Sätze. »Es ist
überall etwas.«
»Wo man hört. «
Tote
Leitungen.
Tagblind und Nacht.
Das Ohr
am Stein
am anderen Ende
Wind
frostige Keilschrift
apportierte Silben.
Der Rest hat Platz auf einem Stuhl.
Die Zeichen ziehen weiter. Für jeden Winter
hackt hinter der Wand das Jahrhundert Knochen.

ПОКИНУТАЯ КВАРТИРА

Согреты дыханием руки. Твердые оболочки.
Полусферы.
Есмь я. Звук
и тонус.
Здесь. Под
лампочками без абажуров.
Посреди
искореженного
восьмью столбцами голоса.
Смотрю на поля.
Вышли
из повиновения
предложения. »Повсюду
что-то.«
»Где слышно.«
Мертвые
линии.
Слепые днем потом ночь.
Ухо
на камне
на другом конце
ветер
ледяная клинопись
принесенные собакой слоги.
Остальное разместилось на стуле.
Знаки уходят. На каждую зиму
век перемалывает за стеной кости.

AUSWINTERN

Von hier aus die weiße Fährte. Tag und
Nacht füttern anderes Tiermehl in die Furchen.
Auf kleinen Galgen blinzeln die geduldigen

Figuren der Knochenarbeit. Knapp überm
Morgen ein herausgerissener Fingernagel
leuchtet noch etwas unerlassen schön.

Das sagt atme. So waren es Jahre
nach dem Krieg die Löffel die Anstoß
nahmen an meinen Zähnen oder eine

langsame Empfindung für den fasrigen
Zaunpfahl. Nun die alten Betschnüre
nach dem Regen stechende

Lungen Aufmunterungen direkt ins Blut.
Chiasmen neue Brückenköpfe. Tage
leerstehend die sich mir zukehren

mit dieser schimmligen Wand.
Die Schnittstelle der Taxusreihe ließ den
Schatten offen im Handkarren auf dem Foto.

ВЫСТУЖЕННОЕ

Отсюда белый след. День и
ночь кидают бороздам каждый свою живность.
На крошечных виселицах терпеливо щурятся

охотники до падали. Возвращенный
рассветом ноготь
светится в запретной красе.

Все говорит дыши. После войны
ложки натыкались на
зубы

вспомнились ветхие жерди
забора. Теперь старые четки
после дождя колет в

легких допинг сразу в кровь.
Хиазмы новые плацдармы. Пустые
дни стоят, повернув ко мне

заплесневелую стену.
Просвет меж тисовой изгороди
не оставил тени на фотографии тачки.

FOSSILER ORT

Rostig die blecherne Windklinge
schabt am Grund dieses abgewanderten Meers

Vortage die mit etwas bleiben
der abgemachte Ahorn ungeläufige Haut

wo du schreibst stellt Frost die Füße
der Enten fest

Nächte schwarzglänzende Müllsäcke
gesehen in Johannesburg und New York

sonst Muschelkalk das Altwasser
im Nebelkiefer die Haifischzähne der Hagebutten.

ZEITKORRIDOR

Im chronischen Verzeichnis von Kalkül und Kalkstein
am Morgen Satz- Rauchfetzen

Tage spürst du diese Gleitwirbel
im Nacken

während Dezember drüben einen Weißfisch
das Lagerdach schuppt

adressiert an der Hauswand
krakelnd der Mehlbeerschatten
die Verschlusssache Gestern

und beim Fluss wächst die
Geschwindigkeit des Schilfs
seine zerfressenen Kolben.

ОКАМЕНЕЛОЕ МЕСТО

Жестяное лезвие ветра
ржаво скоблит по дну ушедшего моря

дни накануне остались с чем-то
срублен ясень чужая кожа

где пишешь мороз запечатлел
гусиные лапы

ночи отсвечивают черным мешки с мусором
виденные в Йоханессбурге и Нью Йорке

еще ракушечник старое русло
в туманной челюсти акулы зубы шиповника.

ВРЕМЕННОЙ КОРРИДОР

В хронологии смет и известняка
утром ключья предложений из дыма

дни осаждают как стершиеся позвонки
в затылке

а декабрь за окном чистит белую рыбу
крышу сарая

адресом на стене дома
каракули от тени рябины-арии
вчера с грифом «совершенно секретно»

а у реки тростник
наращивает скорость измеряемую
разъеденными початками.

WEIL ICH AM FLUSSUFER ARBEITE, GU CHENG

Stellungen vor langem in den Schotter gelegt
gesperrte Nebengleise
ihr rotes Blech
eine Stunde von gestern
Füchse
scharren sie wieder aus
über Nacht
auf dem Schuppendach die Geisha
Regen
Kartoffeln im Eisenkorb
gegen Läuse imprägnierte
Hemden
kommen zu anderen Zahlen
oder die Heizkörperrippen Kiefern
von einem Punkt aus
kann ich sie sehen
bewegungslos
ein glücklicher Trakt wie
nach dem Erwachen das letzte Erwachen
nach dem letzten Zug der gelbe Reparaturzug
und aus der Talpfanne herausgedreht
das Kugelgelenk
zwischen den Leitungen
der Nacht.

ПОТОМУ ЧТО Я РАБОТАЮ У РЕКИ, ГУ ЧЭН

«Башмаки» давно улеглись на гальке
запасные пути на запоре
красный сигнал
вчерашний час
лисы
выроют его снова
за ночь
на шиферной кровле гейша
дождь
картофель в железной кошелке
пропитанные средством от вшей
рубашки
добавляются к прочим вехам
или ребра батарей отопления сосны
их видно
с определенного места
неподвижно
довольное тело как
после пробуждения последнее пробуждение
после последнего состава канареечный ремонтник
а из долинной чашечки вывинчен
лунный шарнир
из электросети
ночи.

VERLANDETE ROUTEN

Dergleichen Dinge die Ansammlung unter
dem Heizkörper
der Fühler Flügel
jener langsamen Naturgeschichte von Zeitpunkten
Von der wie von uns zu lesen ist die schmale
Landstraße hinab
die Risse abtastend
kalligrafiert mit frischem Teer
Ein Teeziegel beginnt dort am Ende
die Nacht
gerieben von Heuschrecken
in dünnem Regen aufgelöst
Wenn an den Isolatoren der Strommasten
eine einzelne Erinnerung
das Schalenwild Hirn
sehr durchsichtig wird und wunschlos
Wie um es kurz zu machen mit einem System
von Distanzen
östlicher fortgeführt
der erträglichen Anteilnahme für uns
Als deine Worte auf dem Eidechsenrücken
des Frühjahrs
verloren fast steif
verschwinden zwischen den Steinen.

ОТМЕЛЕВЫЕ МАРШРУТЫ

Куча барахла как всегда
под батареей
щупальце крыло
неспешной естественной истории событий
По которой как по нам читаешь узенький
проселок
нащупывая трещины
каллиграфически вписанные свежей смолой
Чайным брикетом вдали опускается
ночь
что растерли кузнечики
растворил слабый дождь
Когда на электромачтовых изоляторах
проясняется
единственное воспоминание
парнокопытный мозг
и нет желаний
Как короче говоря с
дорогами
лицом на восток
сочувствием к нам
Когда твои слова на спине у весны
ящерицы
потерянно застывая
исчезают меж камней.

ТОПОГРАФИШЕР ТЕРМ

das Produkt dieser Wolfsmilchtage
die Erdkruste kahl noch warm
die Asche vom Braunkohlehimmel

deine Stelle dort die Risse
von Flechten besetzt treiben die Betonschollen
auf der vergessenen Rampe

das historische Eis
Leichenflecken Wolken auf dem Flussarm
ohne Frage zerfällt der Zaun schon lang

und hinterm Schotterwerk
wieder schneelos die Unbekannte
glich es einer fehlenden Espenallee

von Planwegen geführt
die Strommasten infinitesimal schreibt
der Schatten ihr T grau über den Hang.

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

продукт молочайных дней
нагая земля еще не остыла
зола с буроугольных небес

в том месте в трещинах
поселились лишайники на забытой платформе
разбрелись бетонные глыбы

лед истории
трупные пятна облаков на протоке
нет вопросов уже давно рушится забор

за щебеночным заводом
опять лишено снега неизвестное
похоже на исчезнувшую осиновую аллею

по размеченным путям
уходя в бесконечность электрические столбы
тень от их T сереет над косогором.

BITS AND BONES

Mit trüben Augen abgerichtete Tage in Staffeln
die filzigen Hundszungen im Schutt
drüben die Kalksplitter eines Januars zu kauen

das schneidige Kommando von dünnen Seggen
leichte Geräte aber ich erinnere mich nicht
ist es die Zweitfassung eines knirschenden Gedankens
wenn wir über den Gleiskörper gehen
die Füße schwarz vom Schwellenfett wahllose Häufungen
verrostet die Parallelen seit Jahren abmontiert

hin in der gelben Skala einiger Sommer
kauernd in Trichtern und Travertin
kniehoch in Schwemmsand und flackernder Luft
schnappt die Sedimentfalle das Glück
zwischen unseren Fingern zu

bei lautlosen Abschlügen flussnahen Daten
der fahle Morgen Steinkot.

GESCHLOSSENER VERGLEICH

Dann noch der Tisch auf den die Nüsse fielen
die weißen Gänseköpfe Angaben aus Feuchtigkeit

die Oberfläche der Dachziegel für Minuten
seidengrau eingebunden wie einmal Briefwechsel

oder der aufgelöste Bahnsteig ganz für sich

wie das Kratzen der Gabel nebenan genügt
nur um eine Stunde mit hohem Querschnitt

zum Leuchten bei den Hagebutten zu setzen
die Ziegenlippe festfrieren zu lassen

an einem rostigen Dezembertag seinem Scherengitter.

BITS AND BONES

Мутные глаза стаи дрессированных дней
в мусоре скукожился чернокопытник
жует известковые осколки января напротив

ловкая команда тощей осоки
легкая оснастка, не припомню
не вторая ли редакция скрипучей мысли
от ходьбы по железнодорожному полотну
ноги в черном мазуте шпал беспорядочное скопление
заржавелых разобранных много лет назад рельсов

на желтой шкале лет
притаилась в воронках травертина
в наносном песке и мерцающем воздухе
осадочная ловушка норовит ухватить счастье
между наших пальцев

беззвучным тактом прибрежных дат
бледное утро собачий помет.

ЗАКОДИРОВАННОЕ СРАВНЕНИЕ

Стол с упавшими орехами
белые головки гусей мокрая информация

черепица на мгновение
перевязана серым шелком как когда-то письма

исчезнувший перрон одинокий

скрежет вилки рядом довольно
чтобы время вышло из оцепенения

засверкало на ягодах шиповника
мохнатый гриб язык примерз

к ржавым ставням декабрьского дня.

PREUSSISCHBLAU, PANKOW

Land das trieb. Die Wege abgeschnitten.
Kohlerauch. Von Maschendraht durchsucht. Vergehen
kontaminiert mit Hundeharn. Und Sand.

Die Nebelkrähe kurz im Abraum. Und was sich noch
im Fenster einer weggeworfnen Körperwaage erkennt.
Dies Ich. Verwischt auf einem Fetzen Papier

Stellungen die mit nicht länger beginnen. Licht
ein Knochensplitter. Entfernt von den Strecken
das Signal für anderes Material.

SEKTOR A/B

so brüchig die gelbsüchtige Haut
gegen Morgen der Stadt

durchnässtes Gegenlager stolpere ich
zwischen Goldruten Ziegelschutt weiter

bis die Tankstellen überdacht sind mit
Tundren als dieses dann wirst du sagen

und hinter wortlosen Höfen in Stellung
ein europäischer Schatten geht der Scharfschütze.

ПРУССКО-СИНЕЕ, ПАНКОВ

Земля в дрейфе. Пути отрезаны.
Дым. Обыскан проволочным ограждением. Уходит
смешавшись с собачьей уриной. И песком.

Серая ворона промелькнула в мусоре. Что еще явится
в стекле выброшенных весов.
Я. Стертое на клочке бумаги

заголовки начинаются с больше не. Свет
осколок кости. В стороне от дорог
сигнал другим.

СЕКТОР А/Б

такая ломкая желтушная кожа
в городском рассвете

промокший лазутчик спотыкаюсь
в зарослях золотарника о черепичные обломки дальше

пока бензоколонки не обернутся
тундрой как тогда скажешь ты

а за безмолвием дворов снайпером
наизготове европейская тень.

AUFZEICHNUNG

Noch was anderes. Vorgeglühte Alpen Wasserpest
an die Ufermauer gefroren ein Nachsommer.

Es spielte sich ab. Fasern Speichel eine
Kippe. Und als dem Bahndamm die Gefäße
platzten nur soviel noch im
Grau ein Schwarm Krähen Schriftgranit.

Für die Dateien der Kälte der Schatten
nimmt meine Fußabdrücke im Schlamm.

JANUAR TAGESORDNUNG

Fahles Aggregat Naßschnee vom Kanalufer
abgehackt die Kreuzrippen eines Hundegaumens
überm Lagerdach die schmale Datenbasis des Morgens

wo wir im Sommer neben unseren
Schatten schliefen kardätscht der Wind
die Gegenwart ein räudiges Fell

Zeit lang grüne Jahre gelbe Jahre
von rissigen Wänden gekratzt
korrodiert unauffällig im Kohlekeller
jetzt ein Stück einer anderen Kindheit

über alte Stufen Zeichen die in einem
Schlussstein verwitterten verfolge ich
den Gleisschotter entlang einen alten Hund
Blut im Auge das Vergessen

etwa den glasigen Blick des Vortags in der Pfütze
eine täglich wiederkehrende Krähe im Katzengras
das eisige Bißmuster auf den Leib geschrieben.

ЭСКИЗ

Кое-что еще. Раскаленные Альпы водяная чума
к парапету набережной примерзло бабье лето.

Следы разыгравшейся сцены. Сгустки слюна
окурок. У железнодорожной насыпи
лопнули сосуды в сером
стая ворон гранитные руны.

В файлы холода тень
забирает мои илистые следы.

ЯНВАРЬ РАСПОРЯДОК ДНЯ

Бледный агрегат мокрый снег с берега канала
сколот кость собачьей глотки
над крышей сарая узкая полоса утренних сводок

там где летом мы спали рядышком с
теньями ветер скребет
шелудивый мех

столько лет зеленое время желтое
исцарапано стенами в трещинах
сгинувших исподволь в угольном подвале
теперь частью другого детства

над старыми ступеньками знаки выветрились
в замковом камне неотступно
по железнодорожному гравию за старым псом
окровавленный глаз забытый

остекленел взгляд утра в луже
приходит снова и снова ворона в кошачьей траве
ледяной узор от укуса на теле.

AUSSICHT

So hört man noch vom letzten oder
vorletzten August: Fliegenschwärme auf dem Dachboden
knisternd unter den Sohlen.

Hinter mir liegen die alten Teppiche
engerollt. In den Staub gedreht
die erfrorenen Bilder. Also

bleib ein wenig an dem Fenster so hoch
vor Ort. Ein Stück Lagerplatz. Die
verkrustete Baumlinie. Jahre

bewegt im Dehnspace der Brücke.
Ein Beispiel für ein Beispiel
das sofort ohne Zucken ist

Schnee der durch die Dachziegel
stiebt. Unten vom Garagenbalken herabhängt die
Kälte Knochensäge.

ПЕРСПЕКТИВА

Отзвуки прошлого или
позапрошлого августа: эскадроны мух на чердаке
шуршат под ногами.

За спиной свернуты старые
ковры. Повернувшись лицом к пыли
замерзли картины.

Застыть на миг у окна высоко
свидетельствую. Часть ландшафта.
Заскорузлые кроны. Движение

лет в пролетах моста.
Пример для примера
не моргнув глазом

снег забирается под
кровельную черепицу. Внизу с гаражной балки свисает
костяная пила студит.

STALINALLEE, NACH UND NACH

I

Wenn das Singen beginnt / die Sirenen / aus
der Schienenhaut / spult eine Zeit mit Himmelsrichtung /

zurück / der regelmäßige Insasse erwärmter Luft /
ist es das Bild pappgrauer Nierenschale / ost

eologische Verbindung / an der die Nacht mein
Mund liegt / wenn / später der lachhafte Milchzahn

einer kalten Stunde ins Steppengras der Hundeinseln
beißt / die unter Luftschächten entfallenen Gesichter / dort /

an den Übergängen in Fleisch und Flecken / und
andere Linien knöchelhoch mit Platten versiegelt /

hin / ich in einem analogen Morgen / auf
gezeichnet in staubigen Eschenblättern / von frierender

Nässe gepresst / wenn / sie unter Tierhäuten
längst zerrieben sind zu dieser stinkenden Gehschicht

II

Als hörtest du / selbst Hirschfell / Nachtstation
mit gekrümmtem Licht / chlorierter Erinnerung / im Namenszug

aus Wind / kindischer Kreisel wieder und wieder
getrockneter Papierfetzen / gruppiert um Wirbel

alte Bänke Becken / wer immer / verklebte
Haarbüschel aus Aschehäufchen / so lange

im Atemholen / Gegenverkehr / in einem nachgelassenen
Sommer / Worte Kalkbrut / geschleudert oder das mehrmals

abhörbare Verstummen eines Flugschreibers / der Abend /
als Stille eintreten könnte / gehäutet daliegt / wo

immer / unter den weißen Augenbögen der Straße /
in den schwindenden Tagessätzen unserer Berührung

СТАЛИНСКАЯ АЛЛЕЯ, МАЛО-ПОМАЛУ

I

Когда начинается пение / сирены / из
кожи шин / время катится

вспять в ту сторону света / постоянный обитатель разогретого
образ картонно-серой почечной лоханки / ост воздуха /

еологическая связь / на которой покоится ночь /
мой рот / когда / потом смеющийся молочный зуб

холодного тумана вонзается в степные лохмотья
собачьих островков безопасности / забытые под
вентиляционными шахтами лица / там /

на переходах из мяса и пятен / и
прочие линии по щиколотку опечатанные тротуарными плитами /

я аналогичным утром / за
печатлено в пыльных листьях ясеня / спресовано

зябкой сыростью / уже давно растерто
под звериными шкурами animal rationale в это вонючее
историческое месиво под ногами

II

Как будто слышишь ты / в меху оленьем Актеон / в неясном свете
ночная станция / хлорированного воспоминания / в росчерке

ветра / детский волчок снова и снова
высохшие клочки бумаги / сгрудившиеся вокруг позвонков

старые скамейки крестцы / кто-то / приклеившиеся
волоски в грудках золы / так долго

переводя дух / встречное движение / в покинутом лето
брошенные / слова мертвые пчелы / или многократно

прослушиваемое умолкание черного ящика / вечер /
когда могла наступить тишина / лежишь облинявший / где-то /

под белыми глазами улицы /
в исчезающих повременных заработках нашего прикосновения

III

Im gelben Licht das Halbwegsland Schwalbenleere
strecke ich den Bettlerwisch diese schmierige Zunge dir hin
/
in der grauen Hemisphäre des gut erhaltenen November
wandert der entropische Splitter in die Totale
/
läuft eine Blutrinne durch meine Augen der
Morgen eine künstlich einblutende Satzfigur
/
und du ein unruhiger Tierkreis darin
der das rosarote Handinnere nicht vergißt
/
wie es die Dinge berührt haben könnte
wie müde die Stellungen zu verlassen
/
den Salzgeschmack und solch farbige Schatten wo
diese Trauer ein irgendwo liegegebliebenes Gebiß
/
zu groß ist für einen abgerissenen Kiefer
mechanisch kauend in einem gelben Licht.

III

В желтом свете страна на полпути пуста без ласточек
я протягиваю тебе рекламу нищего грязный язык
/
в серой полусфере хорошо сохранившегося ноября
бредет энтропический осколок в тотальность
/
проходит по моим глазам кровесточный желоб
утро искусственно кровоточащая анафора
/
а ты в ней беспокойный звериный круг
помнящий о красно-розовом содержимом руки
/
каким могло бы быть его прикосновение
и как устало покинуть позиции
/
солёный привкус и такие цветные тени где
эта печаль где-то забытые вставные зубы
/
велики для оторванной челюсти
машинально жующей в желтом свете.

TRANSIT JOHANNESBURG

I

Ragende. Akazie. In ihr Hakenschnäbel
Bilder im Knochen. Die gelbe Formel
auf dem Plastiktisch

des Regens der Nacht.
Diese andere Mine. In dir. Leergefressene
Wunden entlang den Termitenrasen. Auf
Steinstufen das Akronym.

Nennt einen
langsameren Ort. Einmal noch vor
den Therianthropen. Krustenwort.
So
durchgenommen mit Zyankali das Land.
Gehisste Geschosse. Gummi. Baum. Darüber
Dolorit.

Einwachsend seine Dendriten
vernetzen, das feuert, nichts. Als Fleisch.

II

Glas. Was schwärt. Zerscherbte Schatten.
Der Rücken Stück blecherner Wand.
Oberlicht.

Dampfende Masten.
Schnitttrand die Nächte. Koaguliert.

Deine Savanne. Höhlen auf halber
Höhe. Die Schädel nahtlos. Einst. Die
Laute. Getrieben nur von einem schwachen
Echo. Asche

am flachen Überhang Kalk.

Schon bald Fetzen Haare ein Insektenstück.
Schriftknoten folgend verrosteten Dornen.
Zerrissene Lehmplatte.

Rippenwellen
an Hornleisten aufgerieben Dürre Jahre.

ТРАНЗИТОМ ЧЕРЕЗ ЙОХАННЕСБУРГ

I

Растопырилась. Акация. Кривыми клювами.
Образы вошли в плоть. Золотом формула
на столе из пластика

ночь дождь.
Другой рудник. В тебе. Выеденные
раны близ термитников. На
каменных ступенях акроним.

Обозначил
место куда неспешнее. Когда-то еще до
териантропа. Слово-strup.

Так сильно
пропитана страна цианистым калием.
Снаряды вместо флагов. Каучуконос. Выше
долорит неба.

Дендриты ветвятся
впустую, посылая импульсы. Телу.

II

Стекло. Нарывы. Осколки тени.
Спина частью жестяной стены.
Свет сверху.

Дымные мачты.
В процессе коагуляции. Кончаются ночи.

Твоя саванна. Пещеры в пол-
роста. Бесшовные черепа. Былое.
Звуки. Подгоняет лишь слабое
эхо. Пепел

на плоском выступе известь.

Потом вдруг клочья волос насекомое.
Вязь набухших почек ржавые колючки.
В трещинах глина побережья.

Гофрированные складки
на роговых пластинах растерта засуха лет.

III

Schleim auf den Wörtern. Morgens.

Graulärmvogel.

In diesem nässenden Bindegewebe den Blechteilen
zwischen den Gestern. Autobahnstreifen. Nirgendwo.
Sonst. Ein Dornbaum grün oxidiert. Oder
Sand. Abgebrannte Flächen. Kreise. Da.

*Dieser tötet und
jener. Kein Töten.*

Nur die andere Fassung eines Nachmittags.
Sein weißer Giftzahn. Über den Blöcken
durch die Kautschukhaut der Leere gemolken.

TALHEIMER MASSENGRAB

Die Lage / südwestlich geneigt / trocken die
Gräben rötlich / dies Licht / mit Innereien
gefüllt / und dicht am Geschehen / flache
Mulde Geräte Scherben / neolithisch zugemüllt

Pflöcke Quadrate verspannt / dann das Ergebnis
38 Leichen / Jahrtausende ineinandergesunken
Schädel rücklings durchstoßen / Glieder am
Boden zerstampft / hart die Büschel / Ruchgras

verscharrt von den einen / von anderen freigelegt
dazwischen Herbste wie dieser / Buchen humid
doch vor wem / Erben / mit vorsichtigen Spachteln
weichen Pinseln / den letzten Staub mit Atem beseitigt.

III

Слова в мокроте. По утрам.

Вздыбленный бананоед.

В мокнущей соединительной ткани железных обломках
вчераших дней. Ленты автобанов. Нигде.
Еще. Мимоза, в зеленой протраве. Или
песок. Выжженные квадраты. Окружности. Тут.

*Этот убивает и
тот. Никакого убийства.*

Всего лишь вариант одного из дней.
Его белое жало. Над многоэтажками
выдоено сквозь каучукую кожу пустоты.

БРАТСКАЯ МОГИЛА В ТАЛЬГЕЙМЕ

Вырыты / с наклоном на юго-запад /
сухие могилы в красноватом / свете/ заполнены/
внутренностями / рядом / плоский
желоб приборы осколки / залиты неолитом

кольшки натянутые квадраты / в итоге
38 трупов, тысячелетия погружены друг в друга
черепав навзничь проколоты / члены
растоптаны на земле / жесткие пучки / пахучий колосок /

зарыты одними / другими откопаны
меж ними осени подобно этой / буки из гумидного леса
от кого / наследники / бережно шпательем
мягкой кисточкой / смахнули дыханием последний прах.

2/03: -KOBEN

Die Dachbalken
 aufzuhängen
einen Blick
im Blindtext
 ruckender
Schneefälle Weinstöcke
soweit du siehst
 Spalten hangab
von Mesopotamien bis Michaux
vertonte Drosseln
 zwischen
den Drähten
wie dieses Licht
 Baumwolle pflückend
aus alten Südstaatenfilmen.

2/03: ДОКУМЕНТАЦИЯ ПРИБЫТИЯ

Стропила
 повесить
 взгляд
в слепой
 вьюге виноградники
насколько хватает глаз р
 расчерчены по откосам
от Месопотамии до Мишо
положены на музыку дроссели
 меж
 проводов
свет
 собирает хлопок
из старых фильмов о южных странах.

BERLIN PARTERRE

Durch dich hindurch
inkognito
ein flüssiger Fall entlang der Wand
strangsaniiert durch nichts verblendet
Missstand Öffnungswille doch hier bist
du im Ganzen die undichte Stelle
nah an den Rohren
limnischer Raum
von Abfällen Reiz- und Kinderblasen
von allem was abgeht dieser Ort
wälzt es dich weiter hin und her
zwischen Knopfdruck Wasserspiel Kanal
ganz unten im Sog
rauschende Feste
dort wo nachtein tagaus du liegst
zwischen schrundigen Schatten grauer Haut
und sonst was in sich gehen könnte
mit Körperbestecken Wort und Stille
noch über dies Zucken
gelöschte Spur
spült jener Rhythmus von Erleichterung
den ewigen Rumor kreisender Meere
im Block nur knapp vor Rattenhirnen
durch dich hindurch Inkognito.

БЕРЛИН ПАРТЕР

Пронзая тебя
инкогнито
канализационно санированно жидко падая по стене
ничем не прельщаясь
неполадка в системе хочется но ты еще
тут в общем прокладка слаба
рядом с трубами пространство
для отходов из воспаленной детской лоханки
все, что выводит это место
проносит
мимо тебя
нажатием кнопки слив струя взыграет
в самом низу шумное веселье
там где из ночи в день лежишь
под сенью землистокожих расщелин
что там еще вбирает тело
словом тишина
вместе с тиком
стертый след
извечный ритм облегчения смывает тот
извечный шум круговорота воды
в многоэтажке рядом с крысиными мозгами пронзая
тебя инкогнито.

ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Стихотворение начинается у меня с крупниц языка, мимо-летных наблюдений, с пылинок реальности. Какие-то слова, цитаты или моменты восприятия витают в пространстве настоящего или прошлого и потом оседают на листе, когда я их записываю. «Я» часто предстает на этом этапе архаическим собирателем, регистратором или коллектором, а «предмет» или «материал» лежит перед ним, как порог реальности, доступ к которой он получает только в стихотворении. Материал при этом может проистекать из самых разных сфер жизни – повседневной, профессиональной, научной, медийной, рефлексивно-аналитической.

В стихотворении энергия образов, звуков и ритма часто вытесняет привычную «логику» мышления. Это основа моего лирического творчества, а может, и поэзии вообще. Когда я следую внутреннему голосу языка, рождаются неведомые дотоле сочетания, новые метафорические поля, неожиданные семантические связи. И, кто знает, не открывается ли при этом возможность для восприятия нового, даже иного мира.

По-моему, поэтический язык должен преодолеть зависимость от изначально заданных значений слов и логических конструкций, от их определенности, привычности и употребительности. Язык моей поэзии, напротив, создает поле свободных, открытых и неожиданных значений. Они могут возникать как за счет ассонансных созвучий, так и метафорических ассоциаций, ритмических рядов, или другими поэтическими способами.

Эта функция стиха – с помощью другого языка открывать новую реальность – сопряжена, конечно, с исторически обусловленной ситуацией, информационной перенасыщенностью современного общества. Каждый день я становлюсь свидетелем ужасной инфляции речи, болтовни,

трепа, бессмыслицы. Языковой мусор неудержимо накрывает нас с головой. В такой ситуации каждое стихотворение должно заново завоевывать себе язык – и молчание. Поэтому каждое стихотворение, которое я пишу, ставит передо мной один и тот же вопрос: возможно ли еще писать стихи. Можно было бы сказать и так: стихи – это поисковая машина в постоянно ускользающей, мимолетной действительности. Они ищут себя, собственную историю, важные моменты реальности.

Стихотворение, как я его понимаю, – это манифест мгновений, точек зрения, временных отрезков, кусков жизни. Это языковой пейзаж с большим количеством разломов. Поскольку в XXI веке мы уже не можем сохранить целостные представления о субъекте, истории или космологии вообще, то эти стихотворения отражают существенный аспект анатомии нашего настоящего.

Часто поэтическая истина требует именно контрастного смыслового наполнения, осязаемой жесткости звучания, невероятных словесных фантазий. Она оперирует, как и фильм, резким монтажом, быстрой сменой и внезапными переходами. Ее способ исследования действительности – в соседстве знака со знаком. Такое языковое движение не уходит от вопроса о смысле, напротив, оно его расширяет, обостряет и усложняет.

Я убежден, что стихи – это месторождения времени – исторического времени, биографического времени. Как таковые они суть и документы расколотого жизненного мира и реальности сознания. Тем не менее, стихотворение может сконцентрироваться до одного мига, в который вмещается драма отдельно взятого человека.

Фолькер Демут

СОДЕРЖАНИЕ

7 Предисловие

- 16 Albweg, abends
17 В Юрских горах, вечером_Пер. Т. Кудрявцевой
- 16 Bewirtschaftung der Kälte
17 Управление холодом_Пер. Т. Кудрявцевой
- 18 Späte Bebilderung eines Tags
19 Запоздалая иллюстрация дня_Пер. Т. Кудрявцевой
- 18 Bucolica
19 Bucolica_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
- 22 Kleists Opfer
23 Жертва Клейста_Пер. Т. Кудрявцевой
- 22 Déjà vu
23 Déjà vu_Пер. Т. Кудрявцевой
- 24 Erlöschend aber die höchste Lichtmaschine
25 Угасая но мощнейшим генератором_Пер. Т. Кудрявцевой
- 24 Hibernale Ansicht
25 Зимний пейзаж_Пер. Т. Кудрявцевой
- 28 Kladden
29 Черновики_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
- 30 Tertiärer Moment
31 Третичный миг_Пер. Т. Кудрявцевой
- 30 Diverse Daten
31 Всякие данные_Пер. Т. Кудрявцевой
- 32 Planquadrat Süd
33 План-квадрат юг_Пер. Т. Кудрявцевой

- 34 Zeitfaktoren
35 Временные факторы_Пер. Т. Кудрявцевой
- 34 Tage, takes
35 Дни, дубли_Пер. Т. Кудрявцевой
- 36 Historische Rückstände
37 История в остатке_Пер. Т. Кудрявцевой
- 36 September Schwelverfahren
37 Тление по-сентябрьски_Пер. Т. Кудрявцевой
- 38 Cantus firmus
39 Cantus firmus_Пер. Т. Кудрявцевой
- 38 Ortswechsel
39 Перемена мест_Пер. Т. Кудрявцевой
- 40 Landstück. Standfotos
41 Пейзаж. Стоп-кадр_Пер. Т. Кудрявцевой
- 40 Scheinsonate und wandernder Terminator
41 Мнимолунная соната и бродячий терминатор_Пер. Т. Кудрявцевой
- 42 Effet du réel
43 Effet du réel_Пер. Т. Кудрявцевой
- 42 Animation
43 Анимация_Пер. Т. Кудрявцевой
- 44 Nausea und Ileus
45 Nausea и Ileus_Пер. Т. Кудрявцевой
- 44 Blau. Intensive Station
45 Синее. Отделение интенсивной терапии_Пер. Т. Кудрявцевой
- 46 Aufgelöstes Quartier
47 Покинутая квартира_Пер. Т. Кудрявцевой

- 59 Auswintern
51 Выстуженное_Пер. Т. Кудрявцевой
52 Fossiler Ort
53 Окаменелое место_Пер. Т. Кудрявцевой
52 Zeitkorridor
53 Временной коридор_Пер. Т. Кудрявцевой
54 Weil ich am Flusssufer arbeite, Gu Cheng
55 Потому что я работаю на берегу реки, Гу Чэн_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
56 Verlandete Routen
57 Отмелевые маршруты_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
58 Topografischer Term
59 Топографическая составляющая_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
60 Bits and Bones
61 Bits and Bones_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
60 Geschlossener Vergleich
61 Закодированное сравнение_Пер. Т. Кудрявцевой
62 Preussischblau, Pankow
63 Прусско-Синее, Панков_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой

- 62 Sektor A/B
63 Сектор А/Б_Пер. Т. Кудрявцевой
64 Aufzeichnung
65 Эскиз_Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
64 Januar Tagesordnung
65 Январь Распорядок дня_Пер. Т. Кудрявцевой
66 Aussicht
67 Перспектива_Пер. Т. Кудрявцевой
68 Stalinallee, nach und nach
69 Сталинская аллея, мало- помалу_Пер. Т. Кудрявцевой
72 Transit Johannesburg
73 Транзитом чепез Йоханнесбург. Пер. А. Панова, Т. Кудрявцевой
74 Talheimer Massengrab
75 Братская могила в Тальгейме_Пер. Т. Кудрявцевой
78 2/03: -Koben
79 2/03: - документация прибытия_Пер. Т. Кудрявцевой
80 Berlin Parterre
81 Берлин партер_Пер. Т. Кудрявцевой
82 Поэтологические заметки_Пер. А. Панова

ИСТОЧНИКИ

Albweg, abends (veröffentlicht in: Allmende Nr. 26/27, hrsg. Von Martin Walser u.a., Elster Verlag, Baden-Baden, 1990).

Aus: Bewirtschaftung der Kälte,

Ulrich Keicher Verlag,

Warmbronn, 1990.

Bewirtschaftung der Kälte, S. 3

Späte Bebilderung eines Tags, S. 4

Bucolica I–III, S. 6–8

Kleists Opfer, S. 9

Déja vu, S. 10

Erlöschend aber die höchste Lichtmaschine, S. 13

Hibernale Ansicht, S. 14

Aus: Durch Halden,

Landpresse Verlag,

Köln, 1995.

Kladden I–III, S. 7–9

Tertiärer Moment, S. 10

Diverse Daten, S. 11

Planquadrat Süd, S. 12

Zeitfaktoren, S. 13

Tage, Takes, S. 14

Historische Rückstände, S. 17

September Schwelverfahren, S. 19

Cantus firmus, S. 31

Ortswechsel, S. 32

Landstück. Standfotos, S. 33

Scheinsonate und wandernder Terminator, S. 34

Effet du réel, S. 35

Animation, S. 37

Nausea und Ileus, S. 38

Blau. Intensive Station, S. 39

Aufgelöstes Quartier, S. 41

Aus: Bits and Bones,

Landpresse Verlag,

Köln, 2001.

Auswintern, S. 7

Fossiler Ort, S. 8

Zeitkorridor, S. 9

Weil ich am Flusssufer arbeite, Gu Cheng, S. 10

Verlandete Routen, S. 11

Topografischer Term, S. 12

Bits and Bones, S. 13

Geschlossener Vergleich, S. 14

Preussischblau, Pankow, S. 15

Sektor A/B, S. 17

Aufzeichnung, S. 19

Januar Tagesordnung, S. 21

Aussicht, S. 22

Stalinallee, nach und nach, S. 37–39

Transit Johannesburg I–III, S. 40–42

Talheimer Massengrab, S. 45

Aus: Flughaut Hirnfries,

Ulrich Keicher Verlag,

Warmbronn, 2006.

2/03: -koben, S. 5

Berlin Parterre, S. 22

ОБ АВТОРЕ

Volker Demuth wurde 1961 geboren und wuchs in einer kleinen Stadt in Süddeutschland auf. Er studierte Philosophie, Literaturwissenschaft und Geschichte in Tübingen und Oxford. 1994 Promotion. Nach jahrelanger Tätigkeit als Professor für Medientheorie lebt Volker Demuth heute als freier Autor abwechselnd in Berlin und Zwiefaltendorf, am Rand der Schwäbischen Alb. Er hat inzwischen sieben Bücher veröffentlicht und seine Gedichte wurden ins Englische und Französische übersetzt. Neben Hörspielen für den öffentlichen Rundfunk produzierte er verschiedene multimediale Sprachinstallationen. Seine Werke wurden mehrfach mit Preisen und Stipendien ausgezeichnet.

Фолькер Демут родился в 1961 году и вырос в маленьком городке на юге Германии. Изучал философию, литературоведение и историю в Тюбингене и Оксфорде. В 1994 защитил диссертацию. Много лет проработал преподавателем теории средств массовой информации. Сегодня Фолькер Демут полностью посвятил себя литературному творчеству и живет попеременно в Берлине и Цвифальтендорфе, на окраине Швабского Альба. Он опубликовал семь книг, его стихотворения были переведены на английский и французский языки. Кроме того, он является автором радиопьес и различных мультимедийных речевых инсталляций. Лауреат многочисленных премий и стипендий.

ÜBERSETZER

Dr. phil. habil. Tamara Kudryavtseva, wissenschaftliche Mitarbeiterin des Instituts für Weltliteratur, Russische Akademie der Wissenschaften.

Dr. phil. Anton Panov, Dozent an der Moskauer Juristischen Akademie.

Dr. phil. habil. Tamara Kudryavtseva, wissenschaftliche Mitarbeiterin des Instituts für Weltliteratur, Russische Akademie der Wissenschaften.

Dr. phil. Anton Panov, Dozent an der Moskauer Juristischen Akademie.

Фолькер Демут родился в 1961 году и вырос в маленьком городке на юге Германии. Изучал философию, литературоведение и историю в Тюбингене и Оксфорде. В 1994 защитил диссертацию. Много лет проработал преподавателем теории средств массовой информации. Сегодня Фолькер Демут полностью посвятил себя литературному творчеству и живет попеременно в Берлине и Цвифальтендорфе, на окраине Швабского Альба. Он опубликовал семь книг, его стихотворения были переведены на английский и французский языки. Кроме того, он является автором радиопьес и различных мультимедийных речевых инсталляций. Лауреат многочисленных премий и стипендий.

